

УДК 327

РОССИЙСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА

© 2024 ГРОМЫКО Алексей Анатольевич

Член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3

E-mail: alexey@gromyko.ru

Поступила в редакцию 08.10.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. Статья посвящена состоянию и проблемному полю современного российского регионоведения в условиях резко возросшего спроса на его комплексность и взаимосвязанность. Рассмотрена проблема «новой нормальности» в связи с явлениями частичной деглобализации. Проведен анализ места института государства-нации в геополитизации отношений ведущих держав мира. В этой связи затронута тематика «внешнего вмешательства», стрессоустойчивости и «глубинного государства». Также в центре внимания автора вопрос о первичности и вторичности политического и экономического в международных отношениях. Большое внимание уделено роли цивилизационных исследований в регионоведении. Поддержан тезис о том, что они располагаются между контурами регионоведения и глобалистики. Утверждается, что применение цивилизационного подхода ввиду его неоднозначности и оперирования множеством обобщений и абстракций затруднено в отношении повседневного политического процесса. С точки зрения классификации и типологизации цивилизаций автор останавливается на понятии пограничной, или сложносоставной, цивилизации и на дискурсе о соотношении между европейской и российской цивилизациями. Поставлены проблемы концептуализации понятия «государство-цивилизация» и критериев исторического развития. Сделан вывод, что цивилизационные пространства продолжат быть подвижными и изменчивыми феноменами, подверженными как укрупнению, так и фрагментации.

Ключевые слова: регионоведение, геополитизация, европеистика, латиноамериканистика, новая нормальность, деглобализация, государство-нация, цивилизации

DOI: 10.31857/S0201708324060019

В изучении международных отношений огромное внимание в России уделяется мегатрендам мирового политического и экономического развития. В трансформации глобальной системы управления и регулирования, которая стала набирать обороты с начала XXI в., особо можно выделить дискурс в отношении таких категорий, как «новая

нормальность» (новая реальность) [Дынкин, Барроуз, 2016; Михеев, 2023], новая биполярность [Пляйс, 2015; Фитуни, 2019], соотношение между многополярностью и многосторонностью [Кортунов, 2024], новый виток противостояния ведущих центров силы [Барановский, Кувалдин, 2023; Лапкин, 2024]. Возрастает значение проблематики деглобализации (фрагментации) [Братерский, 2024], важность которой лишь увеличивается на фоне расширения санкционных режимов и практики протекционизма, все больше искажающих международные торговые и инвестиционные потоки [Федюнин, Симачев, 2024; Иванов, Тимофеев, 2023]. В то же время высока неоднозначность и разнонаправленность этих процессов, что находит выражение, например, в восстановлении объемов двусторонней торговли США и Китая [Варнавский, 2024].

Все перечисленные феномены приковывают пристальное внимание отечественных специалистов по зарубежному регионоведению. Так, буквально за десятилетие в европеистике произошел кардинальный сдвиг от анализа событий на основе концепции «Большой Европы» к рассмотрению развития Старого Света в терминах многослойного кризиса и распада системы общеевропейской безопасности [Громыко, Фёдоров, 2014; Громыко, 2022; Громыко, 2023]. Важнейшим условием успешности деятельности регионоведческих школ являются скорость их адаптации к новым долгосрочным явлениям в международных отношениях и мировой политике, способность выявлять причинно-следственные связи в изучаемых процессах. Повышается интерес к страноведческой и регионоведческой саморефлексии, стремление подвести промежуточный итог, оценить современное состояние и перспективы этих направлений¹. Продолжается масштабная работа по изучению роли в международных отношениях ведущих регионов мира и региональных массивов в профильных академических институтах и соответствующих научных журналах, в первую очередь в Отделении глобальных проблем и международных отношений РАН, в ИНИОН РАН; помимо утвердившихся изданий появляются новые². Другие крупные научно-экспертные центры публикуют тематические выпуски своей периодики, посвященные региональной специфике³.

Одна из насущных задач – усиление комплексности и взаимосвязанности зарубежного регионоведения в России, более активный переход к кроссрегиональным исследованиям в их переплетении со страноведением и глобалистикой [Дегтерев, 2023]. Масштабная работа в этой области предпринята членом-корреспондентом РАН В.М. Давыдовым, научным руководителем Института Латинской Америки РАН, в индивидуальной монографии «Концептуальное позиционирование в русле регионоведения» [Давыдов, 2023]. Остановимся на нескольких узловых проблемах, затронутых в ней.

Новая нормальность, геополитизация и национальные государства

Нельзя не согласиться с тем общим наблюдением методологического характера, что «[с]егодня события развиваются настолько быстро, что у специалиста-международника

¹ Журнал «Контурь глобальных трансформаций». 2021. Т. 14. № 6. Судьба страноведения в России. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6

² Например, с 2008 г. выходит журнал «Россия и новые государства Евразии», посвященный государствам на пространстве СНГ, с 2022 г. – журнал «Научно-аналитический вестник Института Европы РАН», журнал «Российское китаеведение».

³ Например, такая работа ведется с 2022 г. на страницах журнала «Проблемы национальной стратегии» Российского института стратегических исследований.

мало времени для рефлексии» [Давыдов, 2023: 18]. Действительно, если говорить метафорично, то у Дарвина было пять лет для путешествия на барке «Бигль» и изрядное время для систематизации и обдумывания своих идей и догадок. Однако в XXI в. события развиваются на порядок стремительнее, а происходящее в разных регионах планеты тесно переплетено. Отсюда проблема подбора и обработки больших массивов данных, их систематизации, необходимость междисциплинарных подходов.

В.М. Давыдов затрагивает тематику «новой нормальности», в т. ч. феномен частичной деглобализации [Давыдов, 2023: 16]. Для европейских, как и для других региональных исследований, встает вопрос, что носит характер транзита, временного, а что пришло надолго и всерьез. Частичная деглобализация вызвана процессами полицентризма или наоборот – они являются ее следствием? Частичная деглобализация и полицентризм являются шагом назад в системе у глобального управления и регулирования или новым ее этапом? Развитие полицентризма сопровождается новым подъемом института государства-нации, который еще в 1990-е гг., на пике неолиберальной волны глобализации, считался отживающим свой век. Текущая волна его укрепления, которая со всей очевидностью наблюдается в первой четверти XXI столетия, является поступательным явлением или откатом назад? В ЕС по этому поводу давно сосуществуют противоположные мнения. Так, политическая группа консерваторов и реформистов перед выборами в Европарламент в июне 2024 г. призывала к автономии и суверенитету европейских наций¹, а группа либералов «Обновляя Европу» – к углублению интеграции и передаче дополнительных полномочий, в т. ч. в сфере безопасности и обороны, наднациональным структурам².

Ждет своего разрешения и другая сопутствующая дилемма. Ее первая часть – является ли политика геополитизации отношений ведущих держав, в полной мере запущенная Д. Трампом и продолженная Дж. Байденом, реакцией США на возрождение ключевой роли в мировой политике национальных государств, в первую очередь в лице Китая, Индии, России, Бразилии и др.? Среди причин этого возрождения можно было бы выделить причины «отрицательного» и «положительного эффекта». Отрицательный эффект – это эффект ослабления гегемонов, включая снижение экономического веса, политика экстерриториальности санкций США, репутационные издержки, которые понесли в глазах мирового сообщества США из-за вторжения в Ирак и других внешнеполитических авантюр, как и издержки СССР и новой России из-за ухода в конце 1980-х и в 1990-е гг. из многих регионов мира и отказа от поддержки бывших союзников. Среди причин «положительного эффекта» – стремление к сохранению национальных культур и идентичностей, преимущества решения многих проблем развития на уровне национальной модели управления, что в очередной раз продемонстрировали события пандемии *COVID-19*.

Вторая часть дилеммы – является ли стимулирование роли национальных государств инструментом американской политики геополитизации, который США используют для борьбы с конкурентами? Очевидно, что Соединенные Штаты стремятся иметь дело с отдельными национальными государствами напрямую, а не с наднациональ-

¹ Respecting the Rights & Sovereignty of Member States. European Conservatives and Reformists Group. URL: https://ecrgroup.eu/vision/Respecting_rights_sovereignty_member_states (дата обращения: 12.10.2024).

² Priorities 2024 – 2029. Our vision to renew Europe: from reflection to action. Renew Europe. URL: <https://www.reneweuropengroup.eu/priorities> (дата обращения: 12.10.2024).

ми структурами, тем более международными организациями, обладающими наднациональными полномочиями. По этой причине США либо блокируют их деятельность, как уже долго происходит со Всемирной торговой организацией, либо не признают их юрисдикции, например, Международного уголовного суда. Относится это и к Евросоюзу, идея «стратегической автономии» которого неприемлема для Вашингтона. Несмотря на то что ЕС уже не раз за последние десятилетия испытывал разочарование в том, как ведет себя заокеанский союзник, в своих отношениях с внешним миром Брюссель так же отдает предпочтение взаимодействию с отдельными государства или с теми их объединениями, которые не имеют серьезной интеграционной составляющей, особенно политической. Отсюда и полное неприятие серьезных интеграционных проектов на постсоветском пространстве. ЕС старается использовать преимущества собственного «пула суверенитетов», с помощью которого отдельные государства-члены мультиплицируют свой потенциал, но хочет не допустить создания похожих «пулов» в других регионах. Аналогично, Китаю или России было всегда легче иметь дело с каждым участником ЕС в отдельности, чем с Еврокомиссией.

За исключением ЕС, именно государства-нации сегодня представляют собой ведущие центры силы – США, Китай, Индия, Россия и др. Их размер, влияние, потенциал, ресурсы и идентичность таковы, что встраивание в интеграционные проекты с сильной политической надстройкой и делегированием государственного суверенитета не создает для них преимуществ. В Евразийском экономическом союзе наднациональное регулирование развивается, но имеет ограниченный характер и относится сугубо к экономической и торговой сферам. Союзное государство России и Беларуси по многим параметрам глубоко интегрировано, но наднациональная надстройка в нем практически отсутствует.

При этом ведущие державы, как и ЕС, сами не обходят стороной проблему внешнего влияния в его негативной интерпретации. Годы президентства республиканца Д. Трампа прошли в условиях ожесточенного поиска демократами доказательств российского вмешательства в выборные процессы в США и «сговора с Москвой». В ЕС с 2015 г. развиваются механизмы «стратегической коммуникации» – эвфемизм пропагандистского и контрпропагандистского противоборства. В 2024 г. переизбранная на второй срок председателя Еврокомиссии У. фон дер Ляйен заявила о планах создания «европейского щита демократии» против «инострannого вмешательства и манипулирования». В том числе предусмотрено создание «комитета по иностранному вмешательству» с широкими цензурными полномочиями в отношении СМИ и соцсетей. В России с 2017 г. действует комиссия Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела РФ.

Монография В.М. Давыдова дает богатую пищу для размышлений благодаря широкому анализу кризисов и трансформаций политических режимов и моделей социально-экономического развития в странах Латино-Карибской Америки (ЛКА), связанных с обстоятельствами как внутреннего, так и внешнего характера. В связи с этим важно отметить, что если в европеистике общим местом являются рассуждения о длительном периоде европоцентризма международных отношений, то в истории ЛКА, как Африканского континента или значительных частей Азии, доминирует тема колониальной или неоколониальной зависимости, догоняющего развития. Что касается XXI века, то он сделал проблему внутренней стрессоустойчивости в условиях давления внешних факторов одинаково актуальной и для «угнетенных», и для «угнетателей».

К этому имеет прямое отношение нарратив «глубинного государства». Его популярная трактовка – в русле теории заговора, рассуждений о «закулисе» и «куклово-дах». При более научном подходе, речь идет о способах придания устойчивости политической системе. Например, большую часть истории США проблема стрессоустойчивости решалась с помощью маятника двухпартийной системы демократы-республиканцы и свойственной ей системы сдержек и противовесов; в Британии – с помощью мажоритарной системы голосования на всеобщих выборах, своеобразия неписаной Конституции, института постоянных госслужащих; в России – с помощью сверхцентрализации в имперское и советское время и суперпрезидентской республики в новороссийское; в ЕС – с помощью многоуровневой системы управления, в которой сочетается принцип субсидиарности с усилением роли Еврокомиссии.

У всех этих и других способов придания устойчивости политической системе имеются свои сильные и уязвимые стороны. Наличие первых подтверждается тем, что Россия, США и ЕС по различным параметрам остаются в числе ведущих центров силы. Во всех из них длительное время протекали явные или скрытые процессы усиления исполнительной ветви власти: президентские прерогативы в США (теория унитарной исполнительной власти), разрастание функций Еврокомиссии, полномочия главы государства в России. Но накапливаются и уязвимости, которые, если не купируются вовремя, приводят к негативным последствиям. В США двухпартийный маятник в 1990-е гг. стал вырождаться в политическую клановость, семейственность, а сама двухпартийность из элемента стабильности превратилась в элемент углубляющегося раскола страны на две все более непримиримые части. В России многие годы развивались дискуссии о проблемах социального неравенства, бюрократизации, коррупции, размывания ответственности на уровне среднего и нижнего звена управления в условиях ее концентрации в руках высшей политической власти. В ЕС, по мере углубления интеграции, усиливались противоречия между сторонниками межправительственного и коммунитарного подходов.

Для Европы отдельно стоит проблема «измельчения» политических элит, «отрицательного отбора». В обсуждениях положения дел в ЕС один из часто задаваемых вопросов – о причинах отсутствия крупных государственных фигур, стоящих вровень с видными политиками Старого Света в XX веке. Действительно, если взять последние десятилетия, то современных деятелей, сравнимых с М. Тэтчер, Ф. Миттераном, Г. Колем на национальном уровне или Ж. Делором – на общеевропейском, назвать трудно. Стратегическими подходами к развитию своих стран и ЕС в целом в той или иной мере обладали Т. Блэр, Ж. Ширак, С. Берлускони, Г. Шрёдер и А. Меркель, но вряд ли это перечисление можно уверенно продолжить, кроме, пожалуй, В. Орбана. Причин такой ситуации несколько. Во-первых, усложнение национальных партийно-политических систем и усиление их коалиционного характера, что часто выдвигает на первый план мастеров компромисса, но не крупных реформаторов. Во-вторых, доминирование политических технологий над содержательной политикой и личностным фактором в ней. В-третьих, размывание ответственности национальных элит в свете усиления наднационального измерения европейской интеграции. В-четвертых, огромная роль внешнего фактора – влияние США – в том, как формируются национальные и наднациональные элиты в Европе.

Возвращаясь к монографии В.М. Давыдова, хотелось бы остановиться еще на одном проблемном кусте: что первично и вторично в современных международных от-

ношениях – политика или экономика? Трудно не согласиться с тем, что «[г]еополитика все чаще поедает достижения экономической глобализации» [Давыдов, 2023: 30]. Действительно, происходящая политизация международных отношений (приоритет достижения политических целей над соображениями экономической целесообразности) ведет к усугублению экономических проблем, в том числе для самих глашатаев геополитизации. Простого объяснения этого феномена нет. Можно с большой долей уверенности утверждать, что с помощью политизации международных отношений предпринимается попытка нового экономического передела мира или сохранения в максимальной степени статус-кво.

Не менее правдоподобно выглядит гипотеза, что геополитизация является в первую очередь функцией удержания власти, будь то отдельным человеком или политической силой, что гораздо важнее, с точки зрения бенефициаров, чем максимизации экономической выгоды. Однако, как представляется, основная проблема с таким подходом в том, что геополитизация является намного более субъективным явлением, чем рыночные процессы и экономическая целесообразность. Она является в основном продуктом проявления индивидуальной или узкогрупповой воли, а не следствием крупных экономических тенденций, отражающих интересы значительной части населения тех или иных государств и экономических агентов. Соответственно возрастают риски ошибочных, волюнтаристских решений и действий власти предрежащих [Давыдов, 2023: 122–123]. Неконтролируемый государством рынок также приводит к негативным эффектам, например, к социальному расслоению, обогащению одних и обнищанию других, подрыву социального мира. Однако противоядие этому давно выработано в виде различных механизмов индикативной или регулируемой экономики, социального рынка, перераспределительных функций государства, антимонопольного законодательства и т. д.

Имеет основание для анализа и третий вариант, больше относящийся к аксиологии: политика может быть важнее экономики с точки зрения постмодернистского, постиндустриального взгляда на мир, когда материальное обогащение и «общество изобилия» больше не считаются целями развития. Современное европейское движение зеленых и экологов во многом подходит под эту характеристику.

Регионоведение и цивилизационные исследования

Всецело поддержки заслуживает тезис В.М. Давыдова о том, что на современном этапе значение регионоведческих исследований, как и страноведения, возрастает [Давыдов, 2023: 33]. Здесь уместна метафора матрешки: если изучать только внешнюю оболочку, то вне поля зрения останется содержание, а если изучать только внутреннее устройство, то не будет понимания того, как одни процессы встроены в другие и как они масштабируются. Другими словами – требуется совмещение анализа региональной и глобальной специфики. Метафора матрешки также полезна с точки зрения современного смыслового значения категории «центр-периферия», которая в условиях полицентричности существенно отличается от ее значения в имперский период европоцентризма, и, тем более, в период биполярности.

Регионоведение находится между контурами глобалистики и страноведения и должно искусно между ними балансировать, чтобы не уйти от сути своего предмета. Между глобалистикой и региональными изысканиями расположен еще один научно-

исследовательский контур – цивилизационный, посвященный изучению социокультурных макрообщностей. В.М. Давыдов обращается к цивилизационной тематике в первую очередь в связи со страновым типологическим ранжированием, которое в пост-биполярную эпоху лишилось категорий «второй» и «третий мир», а затем под вопрос была поставлена и категория «развивающиеся страны» [Давыдов, 2023: 36]. В результате понадобились новые концептуальные подходы. Пересмотру прежних утвердившихся представлений способствовали современные исследования статистических ретроспектив. Одним из результатов стала демонстрация того, что, по критерию кратности изменения доли региона в мировом ВВП (в процентах) за период 1820–1998 гг., лучший показатель достигла ЛКА (4,35), за которой следуют Западная Европа (0,91), Африка (0,67), Азия (кроме Японии). Показатель ЛКА уступает США (12,7), но у последних он снижается с 1950 г. [Давыдов, 2023: 75].

Тему странового ранжирования, предложенную В.М. Давыдовым, возможно расширить и на такие категории, как сверхдержавы и «несостоявшиеся» государства (англ. – *failed states*). Термин «сверхдержава» до сих пор широко используется, особенно в отношении США, хотя, с точки зрения концепции полицентризма международных отношений, он выглядит устаревшим. Это не означает, что то или иное государство не может быть мировым лидером по каким-то конкретным параметрам (экономическим, технологическим, военным, культурным, демографическим, ресурсным и др.). Поэтому, если сохранять столь утвердившееся понятие, то на современном этапе точнее говорить о «нишевой сверхдержаве». Так, Китай и США, а также ЕС являются экономическими сверхдержавами по доле в мировом ВВП; США и Россия – военными; Китай и Индия – демографическими; Тайвань (частично признанное государство) и Южная Корея – «полупроводниковыми» и т. д. Еще недавно с точки зрения общепринятого международного понятийного аппарата Афганистан относился к категории «несостоявшихся» государств. Однако он не только продолжает существовать как субъект международных отношений, но в лице движения «Талибан»¹ фактически нанес военное поражение военной сверхдержаве США.

В изучении международных отношений контрпродуктивны как фиксация на изучении частных фактов, которые не соотносятся с событиями более крупного ряда, так и уход в излишнюю абстракцию, что происходит, например, при политизации цивилизационных исследований, подаваемых как сфера прикладных возможностей, якобы применимых в отношениях между государствами. При этом цивилизациология, которой в регионоведческом разрезе посвящено значительное внимание в монографии В.Д. Давыдова, признает реальность социокультурных макрообщностей (в отличие от цивилизации в смысле локальной культуры или человечества в целом) и играет важную роль в изучении и оценке длинных временных рядов («медленная история»). Они полезны в объяснении поведения того или иного государства на международной арене, особенно когда оно само приравнивается к цивилизации или считается представляющим его центральную или значительную часть. В то же время цивилизационный подход не применим к повседневному политическому процессу ввиду своей неоднозначности и оперированием множеством обобщений и абстракций.

Всегда будет существовать многоголосица мнений по поводу критериев отнесения конкретной страны к той или иной цивилизации, как и по поводу самой классификации

¹ Признано в России террористическим и запрещено.

цивилизаций, изучение которых ведется с эпохи Просвещения. Вряд ли когда-либо будут даны окончательные ответы на вопросы, что важнее в появлении и развитии цивилизации: география, климат, культура, ценности, пассионарность, совместная история (общее воспоминание о прошлом). Очевидно, что эти и другие факторы необходимо рассматривать в комплексе. Не приемлема для плодотворного использования феномена цивилизации опора на этнос, национальность или расу, потому что тогда речь пошла бы об этнократизме, национализме или расизме. География также представляет собой неоднозначный критерий, так как соседствующие государства и культуры могут и тяготеть к цивилизационной общности, и сильно в этом расходиться. Например, очевидно, что граничащие друг с другом Германия и Франция или Россия и Беларусь принадлежат к цивилизационной общности. Однако то же самое нельзя сказать о России и Китае или США и Мексике. Кроме того, географическая близость сама по себе не раскрывает характер отношений между соседями как в цивилизационном контексте, так и в текущем политическом. Наглядными примерами являются конфликтующие с момента обретения независимости Пакистан и Индия или враждующие Северная и Южная Кореи. В первом случае подоплекой раздора стал религиозный фактор, во втором – идеология и наследие кровавой войны.

Одним из наиболее распространенных критериев является религия, но и в этом случае встают многочисленные вопросы. Если речь идет о мировых религиях, то есть в первую очередь о христианстве, исламе и буддизме, то верно ли, что до их появления полноценных цивилизаций не было, а если они и существовали (например, античная или римская), то были обречены? Но и единой христианской цивилизации не существует уже много веков. В истории ее разные ответвления как сосуществовали, так и приходили в столкновение. При этом сомнительно представление о внутрехристианском противостоянии, обобщаемом до уровня столкновения цивилизаций. Например, если иметь в виду некую имманентную враждебность со стороны католичества и протестантства (т. н. «западнохристианская цивилизация») к православию, то можно упустить из виду длительные периоды кровавых и разрушительных религиозных войн в Западной Европе, как и многочисленные междоусобицы периода феодальной раздробленности на Руси. Та же логика применена к «исламской цивилизации», внутренние противоречия которой были и остаются не менее конфликтогенными и разрушительными, чем противоречия между мусульманским миром и внешним. Немаловажно и то, что религиозный фактор, воспринимаемый как цивилизационно-формирующий, может выглядеть фундаментальным для теократий, но не для светских режимов, в которых церковь отделена от государства.

Картина мира на базе цивилизационных общностей и различий становится более сложной в результате того, что, помимо различных хрестоматийных классификаций цивилизаций (Тойнби, Данилевский, Сорокин, Шпенглер, Бердяев, Хантингтон, в опосредованном виде – общественно-экономические формации в марксизме и др.), разработана тема «классических» и «пограничных цивилизаций», включая категории цивилизационной матрицы и цивилизационного ареала [Давыдов, 2023: 39, 82–83]. С этого ракурса к классическим относятся западнохристианская, южноазиатская индo-буддийская, восточноазиатская конфуцианско-буддийская, исламская; к пограничным – эллинистическая, византийская, российско-евразийская, балканская, ибероамериканская. Однако в термине «пограничный» есть двусмысленность, связанная со значением либо переходного периода в развитии цивилизации, либо ее производном, а значит и

зависимом, не самостоятельном характере. Для их устранения точнее говорить о сложносоставном типе ряда цивилизаций, которые значительно менее однородны, чем другие. Например, европейская цивилизация, возникшая на базе общего античного, римского, византийского и христианского наследия, безусловно, была и остается сложно-составной – особенность, которая со временем только усиливалась, в том числе в результате появления различных христианских церквей. «Единство в многообразии» этой цивилизации, возможно, достигло своего пика в эпоху европейских империй со столицами их метрополий, расположенными от Лондона до Петербурга, то есть в XVIII–XIX столетиях. Несмотря на множество противоречий и внутриевропейских конфликтов, общая цивилизационная подложка сохранялась благодаря близости и переплетению их культур, религий, языков, системы знания, экономик, политики, тесных родственных связей между монаршими домами. Европейские империи конфликтовали друг с другом не меньше, чем сотрудничали, однако такая диалектика в их отношениях протекала в рамках модели европоцентричного мира, ядро которого составляли именно они.

XX век поставил под вопрос выживаемость европейской цивилизации. Эпицентры Первой и Второй мировых войны находились в Европе, и это были войны нового типа, когда цель применения насилия – в тотальном подчинении противника. Европейская цивилизация тогда испытывала глубокий раскол не только по этой причине, но и в результате столкновения двух мировоззренческих антагонистических парадигм – социализма и капитализма. На востоке Европы на огромном евро-азиатском пространстве развивалась «советская цивилизация», а на западе Европы, в рамках западноевропейской интеграции, конструировалась европейскость нового типа, который сводит представление о Европе к внешним границам Евросоюза. В то же время советский социалистический проект уходил корнями в европейскую философию в не меньшей степени, чем произрастал из самобытной почвы. По своему образованию и мировоззрению советский человек в целом оставался европейцем.

Термин «пограничная цивилизация», который выделяет В.М. Давыдов, уместно использовать и в отношении приграничных территорий самих цивилизаций. Для европейской цивилизации в ее западноевропейской части «пограничной» всегда была Британия, что в очередной раз проявилось в феномене брекзит. Перекрестное влияние разных цивилизаций ярко выражено в Испании, Италии, Турции, многих странах Латинской Америки. В своей восточноевропейской части «пограничность» можно усматривать в цивилизационной конфигурации России с преобладающими характеристиками европейской цивилизации, особенно после развала Советского Союза. Однако размеры, исторический опыт «ордынского пленения», европейско-азиатское расположение далеко за пределами географической Европы, многонациональный и поликонфессиональный состав государства, имперское прошлое придают России черты самостоятельной цивилизации и как минимум наиболее своеобразной и автономной части европейской цивилизации в ее классическом понимании. Вспомним, как в позднем Советском Союзе и в 1990-е гг. в России пользовались популярностью тэтчеризм и шведская модель развития.

Схожие черты прослеживаются в становлении североамериканской цивилизации в лице США. В отличие от России она зарождалась как британская переселенческая колония, но общее состоит в том, что североамериканский континент, как и значительная часть северной Евразии, были освоены европейцами (в последнем случае русскими), с вытеснением или интеграцией местных племен, этносов и народностей. Со временем

США сами превратились в империю, а затем, наряду с СССР, в сверхдержаву. С тех пор менталитет американцев, в том числе в виду огромных расстояний, разделяющих их с Европой, изменился настолько, что феномен США можно считать изначально отвлечением европейской цивилизации, позже обретшим собственные цивилизационные характеристики.

Сильное европейское влияние сказалось и на формирование цивилизационной общности в ЛКА. Так, В.М. Давыдов, рассуждая о переселенчестве из европейских стран, указывает на категорию таких «квазиевропейских стран», как Аргентина и Уругвай. Он также с полной обоснованностью выделяет роль ЛКА как «экспериментальной лаборатории мироисторического процесса» [Давыдов, 2023: 42]. Отметим, что эту характеристику можно усмотреть почти в каждой крупной цивилизационной общности, среди которых находится и европейская цивилизация, оказавшая значительное влияние на эволюцию многих неевропейских регионов, в том числе посредством многочисленных имперских проектов. Верно и обратное – стоит только упомянуть арабское влияние на развитие Иберийского полуострова, турецкое – Южно-Восточной Европы, монголо-татарское – значительной части северной Евразии.

В XX веке со взрывным характером глобализационных процессов взаимозависимость различных регионов мира беспрецедентно возросла. В геополитическом плане это выразилось в биполярной конкуренции, в которой причудливым образом был вpleтен и цивилизационный фактор. Две сверхдержавы ревностно следили друг за другом во всех частях света. Непреходящий след биполярность оставила в истории Чили (свержение правительства С. Альенде и последующий опыт репрессивной «чилийской модели»), Кубы (Карибский кризис), Никарагуа. Примером того, как в современные перипетии конкуренции ведущих держав вовлечены государства ЛКА, служат Венесуэла, Боливия, Бразилия и др. Можно привести массу примеров соперничества представителей европейской цивилизации и цивилизаций, во многом вышедших из нее, включая российскую и североамериканскую, в современных Африке и Азии. Также важно отметить, что влияние российской цивилизационной матрицы снизилось по всему миру в 1990-е гг., однако с тех пор шел процесс по его восстановлению.

В дискурсе о цивилизационной специфике России важное место занимает проблематика «пограничных» территорий собственно российской цивилизации и задача их удержания. Во весь рост она была поставлена распадом Российской империи, затем Советского Союза, двумя «чеченскими войнами» на Северном Кавказе. Другими словами, происходило несколько волн отпадения (или попыток этого) ряда пространств некогда территориально единой российской цивилизации, если под такой территорией иметь в виду внешние границы Российской империи, СССР, а затем и современной России. В свете уменьшения пространства российской цивилизации в результате развала СССР компенсаторную роль была призвана сыграть концепция и практика Русского мира, который в цивилизационном смысле включает в себя внутреннее ядро (российскую цивилизацию в границах РФ) и двойной внешний контур из постсоветских государств, в первую очередь славянских (ближнее зарубежье), и фрагментов Русского мира, раскинутых по «дальнему зарубежью». Однако украинский конфликт, как и реалии в отношениях России с Грузией, Украиной, Молдовой, Арменией стали для этой концепции и практики тяжким испытанием. С Петровских времен Россия три столетия ориентировалась на европейскую составляющую своей цивилизационной сущности (при всех спорах «западников» и «почвенников»). В XXI веке происходят процессы по

замене европейского вектора в ее цивилизационном развитии, как приоритетного, на евразийский, что еще требует своего концептуального осмысления.

Цивилизационный фактор и будущее международных отношений

В первой половине XX века опасность гибели Европы в результате военной катастрофы была купирована победой союзников в 1945 г. Затем жесткое политическое и социально-экономическое противостояние продолжилось не только в Европе, но и в глобальном масштабе в форме глобальной биполярности. В ядерную эпоху Европа стала ареной возможного конфликта тотального характера, но с еще большими рисками самоуничтожения. Возможности реставрации, или пересборки, классической европейской цивилизации и нахождения нового равновесия между ее западной и восточной частями появились после окончания холодной войны и, как казалось, ухода в прошлое идеологического противостояния. Однако последующие события отбросили вероятность построения Большой Европы на несколько десятилетий назад, а значит и откладывают такую возможность на многие годы вперед. Образно и остро ситуацию после 2022 г. характеризуют У. Геро и Х. Ритц: «...хамская восторженность, местами чуть ли не воровская радость от того, что снова есть враг, лишь маскирует европейский провал» [Геро, Ритц, 2024: 31]. Евросоюз выбрал путь конструирования собственной цивилизационной идентичности, враждебной России, а последняя встала на путь встраивания в евро-азиатский контур с форсированной политикой минимизации взаимозависимости с европейским Западом. В то же время не исчезли факторы географической близости, родства культур, общей исторической памяти. Будущее, как всегда, остается многовариантным.

Дискурс о цивилизационном факторе в современных международных отношениях усложняется в связи с разными восприятиями соотношения цивилизации и государства по сравнению с менее проблемным соотношением между цивилизациями и империями. Последние – древние, средневековые, империи Нового времени – предшествовали большинству национальных государств и объединяли в том или ином виде пространства, обычно намного превышающие территории современных стран. Век империй в традиционном смысле этого феномена давно в прошлом, однако появившиеся на их развалинах государства считают себя либо их преемниками, либо ниспровергателями. В результате размытость представлений о принадлежности к той или иной цивилизации лишь усиливается. Существуют и государства, которые считаются ведущими державами и одновременно олицетворением цивилизации. Например, об уникальности своей цивилизации говорят Китай, Россия, США, Индия; появился термин «государство-цивилизация». В связи с этим возникают вопросы: дает ли такой статус преимущества в мировой политике? Каковы научно обоснованные критерии отнесения одних государств к этой категории, а других – к окологосударственной или внутрицивилизационной? Является ли термин «государство-цивилизация» частью укрепления внутренней идентичности или он имеет и внешнеполитическое предназначение? В последнем случае появляется необходимость выработки модальностей взаимоотношений между государствами-цивилизациями и теми, кто таковыми не являются.

Наконец, развитие цивилизационного дискурса, привязываемого к политическому процессу, ставит проблему критериев исторического развития. В прошлые периоды эти вопросы решались по-разному с возложением надежд на сверхъестественный либо человеческий разум, например, в представлениях о передовой роли империй и бремени белого (или другого цвета кожи) человека, о революции как о двигателе прогресса, об общественно-политических формациях, постиндустриализме и постматериализме. Но почти всегда речь шла о выработке унифицированного представления о том, как, поднимаясь со ступени на ступень, общество достигает новых высот развития, материальных и духовных. Последние десятилетия показали, что злоупотребление индивидуалистической тематикой и либеральной политической традицией во вред коллективистской и консервативной приводят в тупики «конца истории» и «либеральных интервенций». Под современными неолиберальными лозунгами мир делят на передовые государства («истинные демократии»), менее развитые (гибридные) и застрявшие в прошлом (авторитарные), то есть фактически на государства разного сорта. Абсолютизация же принципа суверенного равенства, помноженного на политизированную схему взаимодействия цивилизаций, напротив, лишает возможности судить о том, что является прогрессивным, а что нет, что приемлемо, а что нет в ценностном, моральном, нравственном отношении. Мерило прогресса исчезает, если все цивилизации или их отдельные части признавать неизменными и равноценными данностями, вещью в себе, о которых судить допустимо исходя лишь из того, выгодно взаимодействие между ними или нет.

В связи с этим возникают и существенные методологические проблемы. Во-первых, абсолютизация принципа «все цивилизации равны» фактически означает возвращение к циклическому взгляду на историю, когда развитие человечества воспринимается не как поступательный процесс, а как развитие разных частей мира по своим собственным законам. Такой подход представлял бы собой своего рода «конец истории» наоборот, когда наивысшей формой развития считается не неолиберальная западная парадигма и нанизанные на нее «универсальные» ценности, а множество партикулятивных самодостаточных форм развития. Во-вторых, абсолютизация принципа суверенитета, в данном случае – цивилизации как вещь в себе, логически означает, что каждая из них вольна придерживаться собственного представления о критериях развития и соблюдении тех или иных прав и стандартов. Однако это вело бы к выхолащиванию современного международного права за рамки самых общих и абстрактных постулатов. В-третьих, отход от признания императива исторического прогресса, охватывающего все модели цивилизационного, политического и социально-экономического устройства, повлек бы не только признание циклического характера исторического развития, что вряд ли соответствует научным представлениям. Из этого также вытекало бы, что неизменность цивилизаций как вещи в себе оправдывает взгляд на взаимодействие между ними в духе вечного соперничества или вечной дружбы. Так как ни то, ни другое не отражает реальную историю, то такой отход вел бы к архаизации научных представлений об истории международных отношений. Кроме того, он затруднял бы стратегичность поведения в мировой политике, подталкивая к выстраиванию отношений с другими цивилизациями и представляющими их государствами на основе релятивизма и ситуационности.

* * *

Мы затронули лишь часть насущных проблем регионоведения в привязке к страноведению, цивилиграфии и глобалистике, поднятых в монографии В.М. Давыдова. Автор с честью решает задачу рассказать о «концептуальной “прибавочной стоимости” на почве регионоведения» [Давыдов, 2023: 132], а тезис о том, что «заторы на глобальном уровне могут компенсироваться регионализацией» [Давыдов, 2023: 124], оттеняет значение регионоведческого анализа современных мировых процессов. Регионоведение, пожалуй, самый удобный ракурс изучения эволюции международных отношений, с которого «рукой подать» до методологии и глобалистики, и страноведения. Эти три уровня международной аналитики как никогда связаны друг с другом, что лишь увеличивает востребованность междисциплинарности, фактологической и концептуальной вооруженности соответствующих специалистов. Несомненно и возрастание значения цивилизационных исследований, которые в целом расположены между контурами регионоведения и глобалистики. В мире острой неопределенности и демонтажа многих представлений, происходящего в условиях поиска «новой нормальности» и новых точек опоры, вопросы идентичности отдельного человека, государства и целых регионов неизбежно приобретают все большее значение. Цивилизационные пространства будут и дальше представлять собой подвижные и изменчивые феномены, подверженные как укрупнению, так и фрагментации. Речь идет, например, о гипотезе формирования «ибероамериканского цивилизационного пространства» [Давыдов, 2023: 139; Яковлев, 2020: 509], о происходящем распаде европейского, о центростремительных процессах на просторах глобального Юга. Вместе с тем и в рамках последнего имеется немало взрывоопасных районов, включая Ближний Восток, Южно-Китайское море, часть Африканского континента. Перед отечественным регионоведением стоят нетривиальные и масштабные задачи в условиях калейдоскопичности и быстроты современных событий, умножения социальных, экономических, политических и военных рисков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Братерский М.В. (2024) Введение. Фрагментация vs глобализация. *Актуальные проблемы Европы*. № 1. С. 7–17. DOI: 10.31249/ape/2024.01.01
- Барановский В.Г., Кувалдин В.Б. (2023) Глобальный конфликт: атрибут меняющегося миропорядка или устаревший инструмент его трансформации? *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 8–20. DOI 10.17976/jpps/2023.06.02
- Варнавский В.Г. (2024) Мировая торговля: долгосрочные тренды и структурные сдвиги. *Мировая экономика и международные отношения*. № 1. С. 5–18.
- Геро У., Ритц Х. (2024) *Эндишиль Европа. Почему потерпел неудачу политический проект Европа и как начать снова о нём мечтать*. Fortis Press, Ереван, Армения; Москва. 160 с.
- Громыко Ал.А. (ред.) (2022) *Европа в кризисном мире*. Институт Европы РАН, Москва. 376 с.
- Громыко Ал.А. (ред.) (2023) *Европа в глобальной пересборке*. Институт Европы РАН, Москва. 508 с.
- Громыко Ал.А., Фёдоров В.П. (ред.) (2014) *Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы*. Институт Европы РАН, Москва. 704 с.
- Давыдов В.М. (2023) *Концептуальное позиционирование в русле регионоведения. Опыт латиноамериканистики и не только...* Весь мир, Москва. 152 с.

Дегтерев Д.А. (2023) От «созерцательного регионоведения» к прикладным кроссрегиональным исследованиям. *Регионы в политике, политика в регионах. Политическая наука: Ежегодник-2023*. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Р.В. Евстифеева, Л.А. Фадеевой. ИЦ «Титул», Москва; Пермь. С. 103–121.

Дынкин А.А., Барроуз М. (ред.) (2016) *Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности*. ИМЭМО РАН, Москва. 32 с.

Иванов И.С., Тимофеев И.Н. (2023) *Политика санкций: цели, стратегии, инструменты*. РСМД, Москва. 536 с.

Кортунов А.В. (2024) Многополярность и многосторонность – два измерения будущего миропорядка. *Политическая наука*. № 2. С. 80–101. DOI: 10.31249/poln/2024.02.04

Лапкин В.В. (2024) Эволюционный аспект трансформации миропорядка. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 146–165. DOI: 10.17976/jpps/2024.04.11

Михеев В.В. (ред.) (2023) *Новая реальность индо-тихоокеанского пространства*. ИМЭМО, Москва. 155 с.

Пляйс Я.А. (2015) Двигается ли мир к новой биполярности? *Обозреватель*. № 8 (307). С. 14–28.

Федюнин А.А., Симачев Ю.В. (2024) Мир в лабиринте санкций: неоднозначность эмпирических свидетельств. *Вопросы экономики*. № 8. С. 5–27.

Фитуни Л.Л. (2019) На пути к новой биполярности: геοэкономика и геополитика противостояния в Африке. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 12. № 3. С. 6–29. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29

Яковлев П.П. (2020) *Глобальные головоломки: Ибероамерика в меняющемся мире*. ИЛА РАН, Москва. 515 с.

Area Studies in Russia and the Challenges of the Polycentric World

Al.A. Gromyko

Corresponding Member, Russian Academy of Sciences

Director of the Institute of Europe RAS

11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009

E-mail: alexey@gromyko.ru

Abstract. The article is dedicated to the state of contemporary Russian area studies and their research field in the conditions of high demand for comprehensive and multifaceted approach. The author deliberates on the problem of new normality in connection with the phenomenon of partial deglobalisation. He analyses the interplay between the politics of geopolitisation of relations among leading powers and the institution of nation-state. Also, the topics of foreign interference, resilience and deep state are dwelt upon. Besides, the research looks into an issue of primary and secondary nature of the political and the economical in international relations. The significant part of the work covers the role of civilisations in area studies. The author supports the thesis that civilisational studies occupy a place between area and global studies. At the same time, he questions the validity of the application of civilisational approach to the daily politics in light of its ambivalences and numerous assumptions. Typologically, the notion of border, or multi-composite, civilisation is discussed. The article pays a significant attention to the discourse of juxtaposition of European and Russian civilisations and also raises the problems of conceptual substance of state-civilisation and criteria of historical development. The conclusion is drawn that civilisations' spaces will continue to be porous and changeable and exposed both to augmentation and fragmentation.

Keywords: area studies, geopolitisation, European studies, Latin America studies, new normality, deglobalisation, nation-state, civilisation

DOI: 10.31857/S0201708324060019

REFERENCES

- Baranovskij V.G., Kuvaldin V.B. (2023) Global'nyj konflikt: atribut menyayushchegosya miroporyadka ili ustarevshij instrument ego transformacii? [Global conflict: an attribute of a changing world order or an outdated tool for its transformation?], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 6, pp. 8–20. DOI: 10.17976/jpps/2023.06.02 (In Russian).
- Davydov V.M. (2023) *Konceptual'noe pozicionirovanie v rusle regionovedeniya. Opyt latinoamerikanistiki i ne tol'ko...* [Conceptual positioning in line with regional studies. The experience of Latin American studies and not only...], Ves' mir, Moscow, Russia. (In Russian).
- Degterev D.A. (2023) Ot "sozercatel'nogo regionovedeniya" k prikladnym krossregional'nym issledovaniyam [From "contemplative regional studies" to applied cross-regional studies], in Gaman-Golutvina O.V., Evstifeev R.V., Fadeeva L.A. (ed.) *Regiony v politike, politika v regionah. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik-2023*. IC "Titul", Perm'; Moscow, Russia, pp. 103–121. (In Russian).
- Dynkin A.A., Barrouz M. (ed.) (2016) *Global'naya sistema na perelome: puti k novoj normal'nosti* [The global system at a turning point: the path to a new normality], IMEMO RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Fedyunin A.A., Simachev Yu.V. (2024) Mir v labirinte sankcij: neodnoznachnost' empiricheskikh svidelet'stv [The world in the labyrinth of sanctions: ambiguity of empirical evidence], *Voprosy ekonomiki*, 8, pp. 5–27. (In Russian).
- Fituni L.L. (2019) Na puti k novoj bipolyarnosti: geoeconomika i geopolitika protivostoyaniya v Afrike [On the way to a new bipolarity: geo-economics and geopolitics of confrontation in Africa], *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, 12(3), pp. 6–29. DOI 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29. EDN AJSWSC. (In Russian).
- Gero U., Ritc H. (2024) *Endshpil' Evropa. Pochemu poterpel neudachu politicheskij proekt Evropa i kak nachat' snova o nyom mechtat'* [Endgame Europe. Why the political project Europe failed and how to start dreaming about it again], Fortis Press, Erevan, Armenia; Moscow, Russia. (In Russian).
- Gromyko A.I.A. (ed.) *Evropa v global'noj peresborke* [Europe is in a global reassembly], Institut Evropy RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Gromyko A.I.A. (ed.) *Evropa v krizisnom mire* [Europe is in a crisis world], Institut Evropy RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Gromyko A.I.A., Fyodorov V.P. (ed.) (2014) *Bol'shaya Evropa. Idei, real'nost', perspektivy* [Greater Europe. Ideas, reality, prospects], Institut Evropy RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Ivanov I.S., Timofeev I.N. (ed.) *Politika sankcij: celi, strategii, instrument* [The policy of sanctions: goals, strategies, tools], RSMD, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kortunov A.V. (2024) Mnogopolyarnost' i mnogostoronnost' – dva izmereniya budushchego miropor-yadka [Multipolarity and multilateralism are two dimensions of the future world order], *Politicheskaya nauka*, 2, pp. 80–101. DOI 10.31249/poln/2024.02.04 (In Russian).
- Lapkin V.V. (2024) Evolyucionnyj aspekt transformacii miroporyadka [The evolutionary aspect of the transformation of the world order], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 146–165. DOI: 10.17976/jpps/2024.04.11 (In Russian).
- Miheev V.V. (ed.) (2023) *Novaya real'nost' indo-tihookeanskogo prostranstva* [The new reality of the Indo-Pacific space], IMEMO, Moscow, Russia. (In Russian).
- Plyajs Ya.A. (2015) Dvizhetsya li mir k novoj bipolyarnosti? [Is the world moving towards a new bipolarity?], *Obozrevatel'*, 8(307), pp. 14–28. (In Russian).
- Varnavskij V.G. (2024) Mirovaya trgovlya: dolgosrochnye trendy i strukturnye sdvigi [World trade: long-term trends and structural shifts], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1, pp. 5–18. (In Russian).
- Yakovlev P.P. (2020) *Global'nye golovolomki: Iberoamerika v menyayushchemsya mire* [Global Puzzles: Iberoamerica in a Changing World], ILA RAN, Moscow, Russia. (In Russian).